

Расцвет и закат пост-советской корпоратократии

«Мафия будет продолжать развивать военизированные оборонительные и наступательные отряды, коррумпировать высшие эшелоны власти.»

В качестве конечной цели мафия имеет захват политической власти»

Т. Корягина (сб. «Теневая экономика», 1991 г.)

1. Осень 2015 года. Моя страна словно замерла в ожидании будущего. Каждый день слышу один и тот же вопрос – «что происходит?». Как стали возможны в стране, которой еще четверть века назад предсказывали роль одного из молодых лидеров Европы и которую приводили в пример как образец общественного равновесия в условиях болезненного распада советской системы, – война, маргинализация и упадок?

Диапазон эмоциональных и доктринальных ответов на этот вопрос широчайший – от «генетической неспособности» и «особенностей характера» (как не вспомнить поговорку о «трех украинцах – трех гетманах») до теорий заговора и планомерного уничтожения Украины внешними врагами в борьбе за передел мира.

Во всей этой палитре ответов, версий и эмоций есть одно общее – признание факта слабости (а также коварства, цинизма и пр.) правящих политико-экономических элит, которые, собственно, в ответе за провалы, неудачи и трагедии.

2. Осколки общей картины развития социально-экономической и политической организации современной Украины отражают лишь отдельные грани реальности. Приведу некоторые из них в качестве иллюстрации (уверен, что каждая отдельная «картинка» будет узнаваема и даже не вызовет удивления):

– «Украиной правит олигархия»;

– «партии находятся на содержании олигархов»;

– «в украинской политике господствуют клиенталистские отношения»;

– «коррупция – ключевая проблема для страны, и является одной из главных угроз национальной безопасности»;

– «теневой сектор экономики составляет 40–50 % ВВП Украины»;

– «в Украине слабый средний класс, и главная проблема – огромный разрыв между богатым меньшинством и бедным большинством»;

– «социальная справедливость – главный запрос украинского общества»;

– «Украине нужны реформы, но реформы тормозятся, имитируются, или проводятся только в интересах власти».

Ряд этих «иллюстраций» можно продолжить. Важно другое: эти осколки реальности отражают лишь отдельные черты, уже ставшие в массовом сознании общепризнанными и, как представляется на первый взгляд, общепонятными. Тем не менее, каждый такой «осколок реальности» выглядит в этой мозаичной картине мира как недостаток или сложная, но локальная проблема, которую можно решить усилием воли или правильного нормативного акта.

3. В одном из украинских журналов («Новое время», 18.09.2015) известный журналист и депутат от правящей президентской партии БПП С. Лещенко написал: *«По словам Михаила Саакашвили, наряду с официальным в Украине существует «теневое правительство», которое решает, куда будет двигаться страна, и кто будет на этом зарабатывать. Они неплохо жили и при старой власти, но после Майдана стали его главными бенефициарами».*

Два важных замечания: речь идет не о политических технологиях оппозиции к власти и даже не о пофамильном составе названных в статье лиц. Констатируется факт наличия некой реальной власти (представленной и в старой, и в новой «официальной власти»), которая распоряжается страной. Управляет институтами власти, финансовыми потоками, политическими проектами. И состав «теневой власти/правительства» – надпартийный и даже над-групповой.

Еще одна цитата – известного украинского политика Юлии Тимошенко, которая сама относится к «первой волне» олигархии в Украине:

*«...Проблема в том, что и новое руководство (Украины, авт.) пребывает **под влиянием тех кланов, которые сформировались за последние 24 года**»* («Шпигель», сентябрь 2015 г.).

Такие же оценки дал и один из самых состоятельных бизнесменов Украины К. Григоришин: *«Какой сейчас подход правительства? Где ни возьми, в любой отрасли, мы можем поговорить об энергетике, о транспорте, об экономике в целом, которой уже практически нет. В основном это сохранение коррупционных схем, которые были выстроены при Януковиче, **а зачастую еще и до него**. Правительство ничего не делает для того, чтобы их разрушить, а просто слегка меняет бенефициаров, да и то не сильно»...* «Еще раз – у нас есть правительство, которое возглавляет коррупцию. В результате мы не можем обеспечить наполняемость бюджета, не можем обеспечить привлечение инвестиций, разрушается экономика». («Украинская правда», сентябрь 2015).

25 лет, и 15, и 3 года назад тема «теневой власти» попадала в фокус: «ближайшее окружение», «правлящая олигархия», «семьи» («чайку попить» – метафора правления, ставшая классикой).

«Тень правит светом». Организованная «тень».

4. Человеку свойственно формализовать действительность, или, как сейчас модно говорить, переводить 3D жизни в 2D восприятия. В диапазоне от повседневного календаря (дни, месяцы, годы) до схемотехники планирования жизни и даже собственной душевной организации (поэтически – «уголка души»). Схемы, презентации, таблицы.

Вместе с тем, живая повседневность (индивидуальная, общественная, экономическая) не подчиняется этим графикам и кубикам. Формализуя, мы словно «разрезаем» линиями и стрелочками живое содержание происходящего. И вместо осознания закона, закономерности, разбиваем саму реальность на «осколки».

«Осколочное сознание», загнанное в догму схемы, – хорошая почва для управления коллективным и индивидуальным бессознательным.

«Время летит» – это же не про часы, а про «перескакивание» сознания от одного фрагмента к другому. Пример – «революция Достоинства» и «Украина после Майдана». Черта. И только сама реальность вынуждает оторваться от «осколков» и снова – «свет и тень» «теневое правительство», «ничего не меняется». Снова сознание ищет реальность как целое, со своими историей и смыслом.

5. Наличие в нынешней пост-майданной Украине «теневого правительства» («организованной теневой власти») рассматривается как некий перекося, изъян, «случайность» современной системы политической и экономической организации страны. «Опухоль на здоровом теле».

Но история и онтология этой «опухоли» выходят далеко за рамки нашей со-временности. Со-временность для нас измеряется национальным проектом «Украина», и мы себя идентифицируем не только по национальным, культурным и политическим критериям, но и по такому важному критерию как актуальное историческое время (в индивидуальном измерении – «время судьбы»).

Несмотря на уверенность в выборе и чувство причастности к коллективной судьбе, у многих людей время от времени возникает ощущение пред-определенности, а точнее – некоей двойственности и заданности, казалось бы, очевидного общего действия.

В пиковых событиях (а такими, например, в этот актуальный период были создание СНГ и референдум о независимости, досрочные выборы 1994-го, Майданы 2004 и 2013-14, аннексия Крыма и война на Донбассе), наряду с коллективной пассионарностью и энергией масс, – поиск пускового механизма, базовой причины события. Неумолимая логика истории нации? Внешнее управление? Стихия политической конкуренции разных властных групп? Собственно, в этом треугольнике и топчемся.

6. Исходный пункт: **«организованная теневая власть» - не очередная случайность, а системная, органичная характеристика политико-экономической организации современного нам украинского общества.** Его часть. И систематическое про-явление этой сущностной характеристики системы заставляет нас дать ему историческое объяснение (закономерность в развитии) и проекцию в будущее.

7. В сложившейся 2D-схеме современной национальной истории точкой отсчета стал 1991 год. Распад СССР. Утверждение государственной независимости Украины и «определение контура» новой политической нации – по административной границе, по количественному и региональному составу, по находящейся «в теле проекта» экономической и социо-гуманитарной инфраструктуре. Эта черта стала неотъемлемой составной национальной исторической памяти. С нее начинается летоисчисление независимости и суверенной государственности страны. Вместе с тем, с **политэкономической точки зрения, черта носит условный, размытый характер, и совсем исчезает при анализе другой истории – истории капитала и современного пост-советского капитализма.** Без кавычек.

8. Капитал не имеет границ. Крылатое выражение, которое чаще используется либо как афоризм, либо – как буквальное объяснение взаимопроникновения и взаимосвязей современной глобализированной экономики. А время? Ведь и во времени капитал также безграничен, взаимосвязан и переплетен.

Большинство состоявшихся и успешных украинских олигархов, банкиров, «теневых» акционеров с чиновничьей корочкой, бизнесменов и политиков с криминальной «авторитетностью» связаны и

увязаны с прошлым. И не символически, а буквально. Как представители нового господствующего в обществе субъекта, управляющего и направляющего развитие. **Как правящий класс.**

9. В работах и статьях экономистов, политологов и социологов (как в Украине, так и в государствах-соседах по СНГ) доминантной сейчас стала оценка политико-экономической системы как «нео-феодальной», а строй – «бюрократический (коррупцированный) капитализм», «рыночный феодализм» и им подобные определения.

Примечательно, что похожие определения используются при попытке определить характер строя в б. СССР на момент начала трансформации т.н. «сталинского тоталитаризма» в «общество застоя». Общим здесь является, прежде всего, связь «капиталистического» с «феодальным».

Товарное производство индустриального типа – и перекошенное, административно-нормативное, политически и законодательно обеспеченное перераспределение в пользу правящего класса.

Тотальный контроль правящих кругов над всей государственной машиной – буквальный бюрократический в прошлом, за счет политической коррупции – в настоящем.

Административный рынок и «теневая деятельность» в прошлом – это огромная «теневая экономика» и использование административного ресурса власти для поддержки частного бизнеса, сейчас – законодательные и нормативные преференции, госзаказ и госдотации, привилегированная приватизация государственных активов и пополнение оборотных средств за счет вымывания средств бюджета, и т.д.

Преемственность и устойчивость **основного состава власти** даже после радикальных перемен на уровне высшего руководства страны – весь 50-летний период.

Можно ли рассматривать эту связь как проявление преемственности самой полит-экономической системы? Включая социально-классовую? Можно и даже нужно.

«Промышленный феодализм» в СССР в середине 20 века

(«новый класс» как предтеча)

10. Термин «промышленный феодализм» использовал в своих работах еще Жан Батист Фурье. В истории мысли он зачислен в ряды т.н. «социалистов-утопистов». Но в свое время – время социальных революций в преддверии «весны народов» 19 века – Фурье по заслугам считался одним из лучших интеллектуалов и светлых умов Европы. «Промышленный феодализм» в изложенной Фурье последовательности фаз социальной эволюции относился к «дряхлоści» – как завершающей фазы распадающегося феодального общества.

История капитализма в 20 веке продемонстрировала возможность развития гибридных социальных систем, которые, преодолев феодализм, еще долго способны удерживать его системные черты. И 200 лет спустя, понятие, предложенное Фурье, «живет» и представляется вполне адекватным времени и его явлениям.

11. «Промышленный феодализм» – термин, хорошо отражающий организацию советской системы в середине прошлого века (1950–60-е, СССР). Системы, мобилизационный механизм и репрессивно-дисциплинарная культура которой сложились в условиях предвоенного государственного

капитализма и периода «военной экономики», политических репрессий, «внутреннего колониализма» («лагерная» рабочая сила).

Тотальная государственная собственность на экономические активы, инфраструктуру, землю, ресурсы. Регламентация жизни и перемещения рабочей силы (прописка, направление на работу, «трудодни», обеспечение жильем). Социальные лифты в системе управления прямо связаны с политической иерархией (ступени), а порядок и «родословная» – институтом номенклатуры. Высокая степень индустриализации экономики сопровождалась жесткой регламентацией уровней доходов и стандартов жизни (социальное обеспечение, потребление).

В положении **закрепощенной наемной силы** оказались все категории – промышленные рабочие, работники кооперативных и государственных сельских хозяйств, бюджетные работники государственных учреждений, работники медицины, образования, науки и культуры.

По существу, социально-классовая структура стала **бинарной**: правящий класс, владевший полной монополией на государство, и много-образный класс наемного труда, получавший в качестве оплаты за труд «заработную плату» и локальные, нишевые привилегии (в диапазоне от специальных надбавок для работников Севера до локальных свобод и расширенных возможностей потребления и льгот – в сфере культуры и науки).

12. Уникальность советского «промышленного феодализма» состояла в особой организации индустриального товарного производства (речь идет и о промышленной продукции, и об услугах). Рынок был подчинен административному управлению товарными и финансовыми потоками («административный рынок»). Стоимостные отношения регламентировались и планировались. Таким образом, в экономическом измерении созданная система требовала постоянного учета и коррекции, а в социальном – превратилась в механизм «плановой эксплуатации» за счет жесткой «отстающей» системы оплаты труда и регламентации ограниченного потребления, его сдерживания, «минимизации потребностей».

13. Тотальная госсобственность и формирование института номенклатуры (на основе партийной монополии ВКП(б)-КПСС, профессиональной силовой элиты и промышленного менеджмента, подчиненной бюрократии) стали основой для утверждения «нового класса»-«политической бюрократии» (М. Джилас), «номенклатуры» (М. Восленский) или «этакратии» (О. Крыжановская).

Его полит-экономической основой развития стала собственность на государство, в распоряжении которого, в свою очередь, были людские ресурсы (наемный и принудительный труд), промышленные активы и управление природными ресурсами страны. Таким стал зрелый «промышленный феодализм» к середине 1950-х – началу 1960-х.

14. Взлет математики, математического направления в экономике, и в последующем – кибернетики, имеет, кроме всего прочего, и социально-историческую подоплеку – поиск идеальной модели ленинского «учета и контроля». Удивительный симбиоз передовых знаний с практикой «промышленного феодализма», или, как когда-то было популярно его определять, – «казарменного социализма».

15. В условиях «промышленного феодализма», административное (то есть неэкономическое, директивно-управленческое) регулирование уровня и норм доходов и потребления наемного класса обеспечивало новому правящему классу «бюрократическую ренту», которая перераспределялась через публичный (государственный) бюджет. И, как часть национального дохода, доставалась правящему классу в качестве «коллективной прибыли», которая направлялась, прежде всего, на поддержание высоких стандартов жизни и положения номенклатуры, обеспечение коллективных и

личных привилегий (имущественные льготы, обеспечение, стандарты и уровень потребления, «сталинские конверты» с наличкой для «второй зарплаты»).

16. Вместе с тем, ограниченность рынка, отсутствие механизмов и возможностей оборота личных капиталов приводили к тому, что личный рост и личные «накопления» частного капитала были возможны лишь как статус в иерархии, привилегии и личные денежные сбережения. «Аристократы с мешком монет» – советская бюрократия с набором эксклюзивных привилегий и «конвертом» под подушкой.

«Номенклатурный капитализм»

17. Равновесие промышленно-феодальной системы длилось буквально одно десятилетие. **Научно-технический прогресс, рост доли образованной наемной силы** (в связи с запросами индустриального сектора экономики), советское «общество потребления» (планомерное, хоть и «отстающее», повышение доходов наемного труда, **рост покупательной способности населения** в условиях ограниченного и регламентированного предложения на внутреннем рынке) и **избыток накоплений номенклатуры** стали **4 источниками и катализаторами кризиса «промышленного феодализма», его трансформации в новый этап – «номенклатурный капитализм»**. Это повлияло и на трансформации в структуре и составе правящего класса.

18. Тотальная государственная собственность и зависимость развития промышленной экономики от прямого государственного финансирования, фактическое огосударствление сельскохозяйственной кооперации **обусловили разрыв между динамикой и качеством индустриализации** (новые производства и новые технологии) и **ростом неудовлетворенных потребностей класса наемных работников на внутреннем рынке**.

Номенклатура распределяла совокупный национальный доход через публичные финансы (бюджет) на компенсирующее убытки и опережающее финансирование промышленных активов (включая НИОКР), инфраструктуру для растущей индустриальной базы, и на консервативное обеспечение бинарной социально-классовой структуры.

Вместе с тем, растущие качество и запросы наемного труда создавали огромную дыру в «спросе-предложении».

Даже относительно небольшие личные возможности и накопления простых работников и их семей не удовлетворялись предложением товаров и услуг на внутреннем рынке.

Развитая индустрия, поглощающая государственные инвестиции и госзаказ, и нищий, изолированный, дефицитный внутренний рынок – парадокс, создавший новое социальное напряжение в бинарной социально-классовой системе на закате «промышленного феодализма». Расстрел рабочей демонстрации в Новочеркасске (1962 г.) – лишь одно из многих трагичных проявлений этого напряжения.

В условиях тотального дефицита возник спрос на внутренние инвестиции на огромном пустующем потребительском рынке. Эта проблема отражалась в государственных политических документах, и в осторожных рекомендациях экономистов. Но реальными возможностями официальная экономика не обладала.

Венгерский экономист Янош Корнай дал определение такой экономической системе – **«экономика дефицита»**.

19. Меры по административной реорганизации экономики (попытки децентрализации в виде создания совнархозов, конец 1950-х) и эксперименты по «хозяйственному расчету» предприятий сыграли двойную роль: в условиях жестких административно-нормативных ограничений и обретенной локальной автономности промышленные активы начали «подстраиваться» под реальный спрос. Конъюнктура растущего спроса в условиях тотального дефицита предоставила **номенклатуре** уникальный шанс «реинвестировать» свой капитал – статус и личные накопления – в теневой оборот потребительского рынка.

20. Политическая **бюрократия и промышленный менеджмент** нашли общий интерес в экономически выгодном «теневом» использовании промышленных активов для получения дополнительной прибыли на потребительском рынке.

В большинстве источников, посвященных истории «теневой экономики» в бывшем СССР, период становления «теневой деятельности» связывается в большей степени с внесистемным производством – «цеховиками», контрабандой, криминальными видами деятельности.

Вместе с тем, в быстроразвивающийся внутренний потребительский рынок начали включаться практически все предприятия, которые были способны реагировать на потребительский спрос – от швейной промышленности («теневой ассортимент») до предприятий ВПК (хищение и размещение материалов на потребительском рынке).

За короткое время (к середине 1970-х) «теневой сектор» составил более 10 % ВВП страны. Ко второй половине 1980-х, как отмечал экономист С. Меньшиков, «...на долю теневой экономики приходилось до 15–20 % валового внутреннего продукта..(по другим оценкам – до 25 %. – Авт)... Но эти цифры не раскрывают всей картины, то есть всестороннего переплетения и сращивания теневых структур с официальными. В действительности, в 1980-х годах **именно это переплетение уже стало главной чертой нашей экономики**, а вовсе не ее формальный плановый характер и не централизованное управление. (...) ...практически каждое государственное предприятие имело теневую компоненту» (С. Меньшиков, «Анатомия российского капитализма»).

Третьим участником и со-организатором «номенклатурного капитализма» стала организованная преступность, обеспечивавшая контроль над стабильностью работ («крыша», защита от конкурентов), распространением «теневой деятельности», и участвовавшая в распределении теневой прибыли.

21. **Три со-участника развития «номенклатурного капитализма» 1970-х: бюрократия – коррумпированный промышленный менеджмент – организованная преступность.** Номенклатура пошла на сговор и сотрудничество с преступным миром, создав преступный правящий синдикат – **корпоратократию**. С государством в собственности. С возможностями прямого и «теневого» управления экономикой и получения сверхприбылей.

22. Бюрократия, менеджмент предприятий и теневых «цехов», а также организованная преступность создали **систему в системе – целые экономические кластеры**, связанные теневыми финансовыми, товарными и организационными связями. Экономика «света и тени» пронизала все без исключения отрасли и территории, создав своеобразные кластеры-феоды:

– приписки с хлопком – бюджетные хищения – заниженные стандарты готовой продукции – реализация на рынке и по госзаказу;

– «теневая продукция» – приписки – теневой оборот неучтенной продукции (химическая, швейная промышленности и пр.);

– завышенные поставки – использование излишков для «цеховой» или неучтенной деятельности – теневая продажа и услуги;

– контрабанда сырья и товаров – «цеховое» или неучтенное промышленное производство ТНП – внутренний рынок.

Схем было множество, суть одна – перераспределение национального дохода через прямые хищения государственных финансов (бюджет, средства государственных предприятий) и тенезированный потребительский рынок.

Криминальные сферы предпринимательской деятельности сопутствовали теневой экономике и стали сферой дополнительного накопления и реинвестирования.

23. Как отмечали исследователи «теневой экономики» времен б. СССР (Т. Карягина, В. Найшуль, С. Меньшиков и др.), самих форм теневой деятельности было много. Но их можно условно разбить на три основные группы:

– **«неофициальная деятельность»**, условно – **«полутень»**. Это прежде всего разрешенные виды деятельности, на легально существующей производственной базе, но – с неучтенным, вне налогов и заказов, производством продукции (товары, услуги). Дополнительные объемы, контрафактная продукция, нерегламентированная продукция и тому подобное. Объем достиг гигантских размеров. Вместе с тем, сюда же можно отнести и всех «цеховиков», работавших с использованием неучтенных активов, но производивших незапрещенную, дефицитную продукцию;

– **«подпольная деятельность»** или **«криминальная тень»**. Сфера полного контроля организованной преступности с участием в виде «крыши» и «инвесторов» своих партнеров-бюрократии. Это собственно запрещенные деятельность и продукция – игорный бизнес, наркотики, торговля оружием, контрабанда на экспорт, нелегальный импорт и т.п.;

– **«фиктивная деятельность»** или собственно **«коррупционная тень»**. Речь идет о прямых хищениях денежных средств и государственного имущества, которые уходили на личное потребление и пополняли оборот двух других составляющих «теневой экономики» – «подпольной» и «нелегальной».

Удивительно, насколько актуально и четко этот классификатор применим и к современной ситуации. Изменились механизмы, суть – неизменна.

24. «Номенклатурный капитализм» вошел в политическую и экономическую историю как период «застоя». Уникальный термин. Он отражает общеэкономическое и психологическое состояние общества.

И вместе с тем, период «застоя» – время динамичных изменений в старой бинарной социально-классовой структуре, «социального брожения» и движения, время нового расслоения бинарного общества на сословия, касты и новые социальные группы.

Бюрократия, основной капитал которой раньше состоял из статуса, привилегий и личных накоплений, постепенно превращался в правящее сословие «со-инвесторов» теневой деятельности.

Непризнанными миллионерами-капиталистами становились коррумпированный директорат, «цеховики», лидеры криминального мира. Все большая часть промышленных активов, прямо или косвенно связанных с потребительским рынком, превращалась в **нелегальную собственность групп-синдикатов, состоящих из партийно-советской бюрократии, менеджмента и криминала.**

Сформировались целые рыночные феоды, приносящие нелегальную прибыль за счет публичных финансов и в обход закона.

25. Превращение номенклатуры в «теневых капиталистов» (в новом, расширенном составе) проявило себя и в ролевом значении и поведении участников. Собственно «политическая бюрократия» (номенклатура) стала «теневым инвестором» и политическим гарантом «теневой экономики», коррумпированный промышленный менеджмент и цеховики – активными участниками растущего «теневого» потребительского рынка товаров и услуг, опережавшего по динамике и доходности его «светлую» часть, а организованная преступность – со-инвестором, со-организатором и «системой безопасности».

26. В экономическом измерении «застой» стал следствием «застойной петли», которую порождала сама «экономика дефицита». Для обеспечения роста капитальных вложений в наиболее капиталоемкие отрасли (ВПК, машиностроение, ТЭК, инфраструктура), поддержки их конкурентоспособности, требовались стабильные легальные доходы, которые не обеспечивал тенезированный внутренний рынок.

Новым источником таких средств с начала 1970-х стали энергоресурсы, доход от продажи которых на внешние рынки шел на капитальные вложения (передовая часть индустрии – ВПК, машиностроение и инфраструктура, условно – «БАМы»), социальную компенсацию и прямые хищения с целью дальнейшего теневого реинвестирования («приписки», завышение затрат и пр.).

27. Бинарная социально-классовая структура ушедшей эпохи «промышленного феодализма» и госкапитализма трансформировалась в более сложную сословно-классовую структуру.

Реальные «центры власти» были в руках полу-«теневой» корпоратократии.

Часть работников госпредприятий была втянута в «теневую деятельность» и получила возможность участвовать в «теневых» доходах.

Перераспределение теневых доходов повлияло на расслоение в сфере торговли, культуры, образования... Начал формироваться «новый средний класс» – категория работников наемного труда с более высоким качеством жизни. Изменились и стандарты восприятия «успешности», на первое место вышли уровень реальных доходов и потребления, личная мотивация, приоритетность материального положения.

«Советский гражданин – вечный ребенок, находившийся под присмотром строгих родителей. У него один работодатель – государство, его постоянно, с младенчества до старости, учили. Он одевался, во что было велено, ел и пил в пределах гигиенической нормы, читал книжки по утвержденному списку и насильственно подвергался радиообработке. Как часто это бывает в семейной жизни, на самом деле советские граждане – дети шkodливые, вполуха слушали нотации родителей, подворовывали мелочь из карманов и прогуливали уроки. Смысла слушаться не было. Карьера прорывов не обещала. Социальный лифт не работал. Скрытая инфляция и дефицит уравнивали между собой социальные низы и средний класс. Еще в 1960-е инженер, офицер, врач, преподаватель вуза – почтенные люди, завидные женихи. А в 1970–80-е слова «доцент», «инженер», «хирург», «офицер» уже потеряли былое обаяние. Теперь бармен, продавец, автослесарь – вот привилегированные позиции. Именно эти люди ближе всего подобрались к желанной потребительской триаде: «дача, тачка и собачка» (Вышенков Е., «Крыша»).

28. «Застойная петля» окончательно разрушила шаткое равновесие между «светлым» и «теневым» секторами в экономике, мотивируя правящий класс и молодой советский средний класс на накопление и теневое обогащение.

Дефицитность легального рынка и отсутствие возможностей увеличения легальной собственности привели к «излишкам денежного накопления». (уже на закате «номенклатурного капитализма», в

1989 году один из высокопоставленных партийных чиновников Б. Гидаспов (секретарь Ленинградского обкома КПСС) сделал заявление, ставшее сенсацией, – 80 % сумм вкладов в сбербанках страны принадлежат 5 % населения. Вполне вероятно, что пропорция официальных вкладов в 1970-е была такой же. Известный в конце 1980-х публицист в публикациях журнала «Огонек» утверждал, что номенклатура владеет личными капиталами в сотни миллионов рублей.

Накопленные денежные средства превышали возможности административного рынка: не было рынка недвижимости, земли, ограниченное предложение предметов роскоши, невозможность ведения легальной частной деятельности. Даже несмотря на огромную роль «теневого сектора» товаров и услуг.

Историческая ширма «советской власти» мешала легализации и признанию статуса обновленного правящего класса – корпоратократии. Бюрократия и директорат – как легальные собственники и правители, без партийно-советской бутафории. Криминал – в признанные капиталисты (в 1989 году из 5 сотен «воров в законе» каждый пятый был членом кооператива!).

Мещанствующий средний класс, в свою очередь, на кухнях вел разговоры о свободе слова, слушал Высоцкого и Окуджаву, всерьез подумывал о предпринимательстве.

Основная же масса населения – наемный труд и растущая прослойка пенсионеров на трудовой пенсии – отдавали свой доход за теневые товары по спекулятивной цене, были де-мотивированными в плане социальной и профессиональной карьеры «терпилами».

Репрессивно-дисциплинарная культура сдерживала протест. Алкоголизм, распространяющаяся среди молодежи наркомания, рост уличной преступности, протестные молодежные движения – лишь малая часть кризиса системы.

«Мы не знаем общества, в котором живем» – не строка из хита популярных рок-групп, а фраза одного из компартийных лидеров, генсека ЦК КПСС в 1982-83 гг. Ю. Андропова.

29. Вместе с тем, экономика света и тени» привела и к существенному повышению уровня эксплуатации наемного труда, ограничению доходов «низов». Промышленные и региональные феодалы, оформившиеся в 1960-е, закрепили и усилили разрывы в доходах наемного труда, в зависимости от условий региона и жадности правящей бюрократии. Например, уровень жизни простых трудящихся в республиках Средней Азии (это те самые «закрепощенные», кто за копейки собирал хлопок и стал реальной жертвой хищений и приписок) в 2-3 раза был ниже среднего уровня жизни работников и их семей в Украине или Беларуси.

Проявилась и **«пролетаризация» работников низкооплачиваемого труда**. Расслоение произошло и среди населения в возрасте – пенсионеров; новой категорией особо обездоленных оказались бывшие работники сельхозпредприятий и колхозов, бывшие низкоквалифицированные работники и неработавшие граждане. Ю. Андропов, согласно воспоминаниям современников, считал именно бедность одной из главных угроз национальной безопасности СССР в начале 1980-х (современным языком – «вызовом»). Тогда в стране с населением в 260 миллионов человек около 12 миллионов получали в качестве личного дохода около 50 рублей в месяц (были такие размеры и пенсий, и минимальных зарплат, и стипендии), а 50 миллионов – до 80 рублей в месяц.

30. Реальная мелкобуржуазность позднего советского общества (1970-е – нач. 1980-х) получила идеологическое клеймо «мещанства». Но **именно мещанство и новое расслоение на сверхбогатую полулегальную корпоратократию, зажиточные прослойки «мещан» и потрясающая бедность основной массы наемного труда создали предпосылки быстрого краха витринного социализма и сваливания бывшего советского общества в «бандитский капитализм» 1980–90-х.**

31. **Запрос на трансформацию («перестройку») был общим – и корпоратократии, и новых мешан, и пролетаризированной части населения. Но их интересы и ожидания – разными.** Для одних – это социальная справедливость и выравнивание. Для других – легализация капитализма и частных состояний, оформления активов в частную собственность, легитимация эксплуатации чужого труда.

32. Впервые слово «перестройка» прозвучало в докладе генсека Л. Брежнева на 26-м съезде правящей КПСС в начале 1981 года. Мало кто понял. Но те, кто понимал, уже вели к тому времени нешуточную борьбу за будущую власть. Сигнал к переделу поступил. «Хлопковые дела», коррупция в МВД, «дело Романова» и прочие скандальные расследования против хищений и коррупции в те годы – вовсе не наведение порядка, **а жесткая борьба с конкурентами.**

33. Экономисты еще долго будут спорить о том, был ли СССР государством-банкротом, или его распад связан с кризисом элит и конфликтом номенклатурных поколений.

Кризис позднего СССР был связан, несомненно, с революционной ситуацией. Без кавычек. Которая была прервана «реставрацией» в еще более жесткой и циничной форме, чем в период «номенклатурного капитализма».

Быстрое саморазрушение системы в конце 1980-х-начале 1990-х и со-организация новой прошли практически без потрясений. Что особенно важно, учитывая миллионную армию, ядерное оружие и потенциал межнациональных столкновений.

Вильнюс, Тбилиси, Баку, Карабах и Приднестровье – при всем трагизме происходившего – стали скорее пред-упреждением будущих преступлений капитала во имя прибыли.

Предупреждение услышано не было. И все «призраки прошлого» с новой силой проявили себя уже в новых национальных государствах – Карабахская и Чеченские войны, вооруженные конфликты в Таджикистане, грузино-абхазский конфликт, российско–грузинская война и гибридная война в украинском Донбассе... Кровью платим за «слепую историю».

34. «Трансформационный кризис» – так, кажется, принято в западной и украинской политологии определять период кризиса и распада СССР, и формирование т.н. пост-советского пространства.

«Капиталистическим реваншем» назвали этот переход левые интеллектуалы.

Наследие «коммунистического эксперимента 20-го века» стало трофеем, который и не снился былым колониальным империям, пиратам и конкистадорам.

Накануне: «суррогатный капитализм» и украинское общество

«...как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились георизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов»

(К. Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»)

35. «Не все то золото, что блестит» – известная поговорка. Мудрая метафора. А если ее несколько видоизменить: не каждое внешне яркое и резонансное событие действительно стало со-бытием.

В истории Украины два с половиной десятилетия, начиная с первых решений о государственном суверенитете (Декларация, 1990 г.) и заканчивая подписанием Соглашения о политической

ассоциации Украины с Евросоюзом (2014), наполнены огромным количеством событий. Но, собственно, история личностей, решений, успехов и трагедий – промысел историков.

И все же, последующее проливает свет на предшествующее. 2015 год – зеркало для всех 25 предыдущих лет. С многократным увеличением. С уничтожающей прозрачностью. Как, впрочем, и для большинства соседей по СНГ – «пост-советскому пространству».

36. Трансформация «номенклатурного капитализма» в так называемый рыночный капитализм далека от завершения. **Из трех по-настоящему революционных задач этой трансформации – институт частной собственности, самоуправление, гражданское общество – по существу и до конца не решена ни одна.** Более того. Они фетишизированы и отданы на откуп пропагандистской машине так же успешно, как 50 или 30 лет назад – задачи построения «социалистического общества» и «победы коммунизма».

37. Формальная легализация частной собственности и новые инструменты управления государством, которые по-прежнему остаются в монопольном управлении правящего класса – **корпоратократии**, имеют мало общего с институтом частной собственности. Наоборот. Трансформация административно-бюрократического и «теневого» распоряжения основными активами страны без развития собственно системы отношений частной собственности (право, легальность, нормативы прибыли, рыночная стоимость рабочей силы) привели к появлению специфической **суррогатной частной собственности**. Ее особенность – сочетание легальных частных активов (полученных как результат приватизации или преференциального выкупа у государства) с государственными активами, а также использование административного ресурса государства и политической власти для максимизации прибыли.

Госзаказы и выгодные тарифы для частных компаний, неформальное управление государственными предприятиями и их «включение» в частные корпорации, льготное пользование государственными финансами для реализации корпоративных программ, привилегии при использовании недр (лицензии, максимизация прибыли при перепродаже на рынке по рыночной цене), возможности размещения свободных средств на сверхвыгодном рынке ОВГЗ, рефинансирование частных банков – далеко не полный перечень существующих методов и способов получения сверхприбыли. И все это – составляющая суррогатной собственности, в которой перераспределенная часть, собственно, национального дохода составляет существенную часть.

Функционирование такой системы отношений исключает свободную конкуренцию как таковую, закрепляет экономическую и политико-административную монополию только за ограниченным кругом субъектов (групп, кланов), предполагает непрозрачность, двойные стандарты и мощную идеологическую защиту (пропаганду) как «дымовую завесу» за счет инвестирования в медиаресурсы и публичное политическое лобби.

«Криминальный, коррумпированный рынок – это не рынок, это «жареный лед». В результате реформ, страна проделала путь от административно-командной системы к криминально-бюрократической, а отнюдь не рыночной» (Н. Петраков).

Суррогатный капитализм – это определение более адекватно той системе отношений, которая пришла на смену номенклатурному капитализму недавнего прошлого.

38. **Суррогатная частная собственность (переплетение частной и государственной) – наиболее эффективный и адекватный интересам корпоратократии инструмент эксплуатации.** Прошлая система экономических кластеров-«феодов» была легализована и оформлена как целостная

олигополистическая система отношений, в которых каждая из групп получила свое – отрасль, схему, экономический комплекс.

Первый этап формирования олигополии останется в истории как этап развития т.н. «финансово-промышленных групп» (далее – ФПГ) в наиболее прибыльных и конкурентных экономических сферах – ТЭК, ГМК, АПК, ВПК, инфраструктура, торговля. А «капитаны бизнеса», легальные лидеры ФПГ, получили публичное определение **«олигархов»**.

Но реальная картина видоизменившегося правящего класса в условиях «суррогатного капитализма» несколько иная. Публичный список т.н. «олигархов» – лишь вершина этого айсберга. Десятки легализовавших себя на рынке собственников и совладельцев крупных частных корпораций, не менее влиятельных в системе власти, чем публичный список из журнала «Форбс». Среди них – бывший директорат, успешные менеджеры, представители криминального мира. Реальная олигархия, со-управители и менеджеры суррогатного капитала.

Но не менее важна и вторая составляющая национальной корпоратократии – **«новая политическая бюрократия»**, партнеры и теневые совладельцы схем и корпораций, сочетающие публичную политическую деятельность со стабильным положением в государственной корпоративной машине.

ВСЕ институты политической власти, руководители военной организации и силового блока, судебная власть и прокуратора – в их орбите управления.

Плутократия, властвующее богатство. Президенты-миллиардеры, премьеры и высокопоставленные чиновники из исполнительной власти, судьи-«колядники», генералы-бизнесмены. С полупрозрачными капиталами и долями в большом бизнесе. Защищенные властным креслом, мандатом, государственной безопасностью. Представляющие свои «феоды» на уровне отдельных институтов государства.

Для плутократии государство стало таким же предприятием, как для их партнеров-олигархов – АО или ЛТД.

Уникальная система. Олигополия в экономике – и олигополия в государстве. «Заплетенная коса» интересов, доходов, помноженная на непрекращающуюся борьбу за полную монополию как в государственной машине, так и в экономике. Насмерть.

39. Корпоратократия, основывающая свою власть на суррогатной собственности и сохранении монополии на государственную власть, превратила само государство в корпоративное. А вернее, в **государство-корпорацию**. С разделом сфер и государственных институтов в интересах разных элитных групп в рамках правящего класса корпоратократии. С монополизацией ключевых и наиболее прибыльных экономических сфер (собственно «источники развития»: в Украине – ТЭК, АПК, ВПК, внутренняя торговля и национальная инфраструктура).

Следствиями «корпоратизации» государства стали:

- коррумпированная приватизация (непрозрачность, преференции, занижение стоимости);
- теневое управление государственными предприятиями, фактически – эксплуатация госсобственности с целью дополнительной прибыли и усиления позиций собственно корпоративного капитала;
- сдерживание конкуренции в рамках национальной экономики – зарегулированность процедур регистрации и ведения бизнеса, жесткий административный и налоговый контроль за независимым

предпринимательством, кабальная кредитная политика (процентная ставка НБУ фактически исключает кредитование неспекулятивного бизнеса);

– «новая фиктивная экономика» в виде тендерной коррупции, дутых государственных программ поддержки и дотаций, налоговых льгот и пр.;

– удержание монополий на внутреннем рынке критических товаров и услуг (электроэнергия, бытовой газ и уголь, тарифы на ЖКХ, тарифы на транспорт);

– «политическая олигополия» – распределение между разными группами контроля и влияния на целые структуры и институты власти (судебную власть, прокуратуру, силовые структуры, таможенную и налоговую службы и т.д.), кадры, «политическое крышевание», используемое в конкурентной борьбе за сферы влияния.

Собственно, эти тенденции проявились еще в позднем СССР, накануне распада. Но раскрылись эти характеристики в период национального государства-корпорации и утверждения национальной корпоратократии, как говорится, в «полный рост».

40. «Суррогатный капитализм» – национальная корпоратократия – государство-корпорация, – определяющая триада новой эпохи.

41. Появление «суррогатной собственности» как продукта трансформации бывшей государственной и «теневой» экономик в единое целое и корпоратизация пост-советского государства при сохранении политической монополии корпоратократии, тем не менее, сопровождались и положительными структурными изменениями в обществе.

Прежде всего, даже в ограниченном виде, но были созданы возможности развития самостоятельного, «рыночного капитала» - предпринимательство, конкурентный бизнес. Чаще его называют «малый и средний бизнес».

Отказ от партийно-идеологической монополии вынудил корпоратократию пойти и на ограниченные меры по развитию политических свобод и утверждению демократических процедур формирования власти (выборная демократия, конкуренция политико-идеологических проектов – партий и объединений).

Политические свободы и сопровождающие их свободы слова, вероисповедания, поведенческие свободы – все это стимулировало создание гражданского сектора, который по определению конкурентен и критичен к официальной власти.

Укрепление экономического и политического рынков создали условия для формирования новых групп влияния – так называемых «региональных элит», чьи интересы были локализованы на региональном уровне. И на этой почве «снизу» сформировался запрос на децентрализацию политической и экономической власти.

Ответом корпоратократии на эти риски стали:

– жесткая централизованная вертикаль исполнительной власти – от центральных органов (президент–правительство–центральные органы власти) до уровня района в области;

– инвестиции в политические проекты (партии, блоки, парламентские объединения, группы влияния в местном самоуправлении), обеспечение управляемости и подконтрольности политической архитектуры, или как минимум – наиболее конкурентной ее части;

– систематическое инкорпорирование наиболее продвинутого гражданского актива во власть;

– монополия на медиа;

– использование репрессивной машины – силовые структуры, полностью управляемая судебная ветвь власти – для борьбы с конкурентами и наиболее опасными оппонентами.

42. Сторонники либеральных доктрин, выступавшие в роли главных идеологов и пропагандистов трансформационных процессов последних двух десятилетий, искренне считали, что развитие рыночных институтов и легализация капиталов, собственности, естественным путем решат и проблему «теневой экономики». В их представлении пост-советская экономика «света и тени» являла собой некий атавизм, который исчезнет в результате реализации пакета институциональных реформ. Для этого нужны лишь законодательно обеспеченные экономические свободы предпринимательства, оптимальное администрирование, преодоление бюрократического «гнета» в виде проверок, штрафов, развитие рынков капиталов и т.п. «Тень» как бегство от государства должна отступить перед государством-эффективным управляющим. Красивый миф. Из учебника.

Но, несмотря на все попытки подогнать реальность под эту картинку, доля «тени» в ВВП Украины НЕ СНИЖАЛАСЬ ниже показателя в 35–40 %. И по состоянию на 2015 год доля «теневой экономики» оценивается в 45–50 (!) % и более.

Как и 30–40 лет назад, практически КАЖДЫЙ субъект экономической деятельности имеет «теневую составляющую». Объяснять этот феномен только недоверием к государству и/или высокой фискально-административной нагрузкой (особенно, если речь идет о таких прибыльных отраслях экономики как энергетика или АПК) – ошибочно.

Более того. «Теневой» реальный сектор приобрел новые формы. Угольные «копанки» Донбасса, янтарный промысел на Волыни, вырубка леса в Закарпатье, неучтенные тысячи гектаров сельхозугодий, коррумпированные таможенные «зеленые коридоры» для товаров на огромные оптовые рынки («7 километр» в Одессе, «Барабашовка» в Харькове, и другие), «серая сборка» электронных товаров для внутреннего рынка – только небольшой перечень примеров организованного «теневое» реального сектора», интегрированного в легальную экономику.

В государствах-корпорациях (и Украина тут яркий пример) работают те же законы капитала, что и в «открытых обществах» Запада – максимизации прибыли при минимизации издержек. С одной существенной особенностью. Государственная власть, ее институты ПОЛНОСТЬЮ подчинены корпоративным интересам правящей корпоратократии.

Результат – выведение капиталов за границу, стыдливое «инкорпорирование» в глобальную систему оборота капиталов. Согласно данным Tax Justice Network, из Украины в период с 1990 по 2010 гг. в зарубежные оффшоры было выведено порядка 170 млрд долларов. Несомненно, за последние 5 лет этот показатель стал еще больше.

Украина – в первой 10-ке стран мира по показателю выведенных финансовых активов.

И дело не в том, какая доля из выведенных активов составляет часть необходимого «полу-теневое» оборота и возвращается в виде оффшорных инвестиций, а какая – просто выведена из государственного оборота фиктивным путем. Проблема в том, что весь этот капиталопоток замешан на полу-фиктивных операциях, с уклонением или минимизацией налогов, с вымыванием оборотных средств из реального сектора национальной экономики, на низком легальном уровне оплаты рабочей силы и потерях совокупного национального бюджета (всех уровней).

Одновременно, благодаря «тени» устойчиво функционирует механизм РЕАЛЬНОГО перераспределения совокупного национального дохода, по социальным группам и сословиям.

Доли, взятки, «зарплаты в конвертах», кэш-финансирование – не просто случайные финансовые нарушения, а необходимая часть межклассовых отношений. Именно **перераспределительные потоки теневых финансов, их объемы и пропорции выявляют реальное социально-классовое положение и уровень дохода каждой социальной группы в совокупном национальном доходе.**

«Теневая экономика» в государстве-корпорации – необходимая и неотъемлемая часть всей политико-экономической организации. Российский политэконом Борис Кагарлицкий дал определение такой системе – «трофейный капитализм». Трофеем стали не только экономические активы, но – все государство и весь социальный капитал.

43. Коррупция – политическая, бюджетная, государственно-корпоративная – является необходимым инструментом удержания власти, способ связи и взаимодействия плутократии и олигархии, «теневое» средство поддержки конкурентоспособности и обеспечения эффективности бизнеса правящего класса.

Таким образом, **коррупция в современной Украине – один из способов эксплуатации со стороны корпоратократии с целью максимизации прибыли.** Свою мзду в «коррупционную ренту» вынуждены помимо собственной воли платить все без исключения классовые группы.

В этом смысле т.н. коррупция повседневности – феномен хоть и похожий, но другого порядка. Взятки или «теневые услуги», связанные с использованием служебного положения или предоставлением «теневой» услуги – скорее реакция отдельных профессиональных групп на перекосы рынка, дикие диспропорции в оплате труда.

В целях пропаганды именно бытовая коррупция или локальные факты злоупотреблений демонстрируются обществу как «главные язвы» и показательная борьба с этим видом коррупции «прикрывает» реальное состояние дел и настоящую коррупцию как системный феномен.

Милиционер, врач, мелкий служащий, чиновник уровня села или района стали олицетворением «повальной коррупции».

Реальный уровень эксплуатации и норма коррупционной ренты остаются за кадром внимания общества.

Примерно так же было с «расхитителями социалистической собственности» и валютчиками-спекулянтами в 1960–1970-е., когда мало кто представлял себе масштабы и реальные обороты «экономики света и тени», доходы и положение правящей политической бюрократии и их теневых партнеров.

44. Злая ирония истории. Одной из базовых функций государства является борьба с преступностью как анти-социальной деятельностью, в т.ч. – с «тенью» в экономике, подрывающей безопасность самого государства. Но, **мутировав в государство-корпорацию, оно само превратилось в «государство организованной преступности».** В машину сверх-эксплуатации и поощрения несправедливого перераспределения национального дохода в пользу правящего класса (корпоратократии), с помощью прикрытия коррупционных и буквально преступных, воровских схем с бюджетными ресурсами, государственными активами, национальными природными ресурсами.

Государство-корпорация и есть «государство организованной коррупции». Наверное, «как высшая стадия развития организованной преступности».

45. Несмотря на наличие новых границ и появление новых государств, пропаганду «национального проекта» и демагогию медиа о национальных интересах, корпоратократия Украины и других соседей

по СНГ сохраняет интернациональные связи, взаимопроникновение капиталов и межгрупповую взаимозависимость.

Бизнес-проекты, кадровые связи, переплетение собственности и обязательств сохраняются несмотря на десятилетия независимости. От обратного, высокий уровень координации, надгосударственных корпоративных решений. Особенно явно это проявляется при анализе торговли высоколиквидным сырьем, обеспечении стабильности новообразованных транснациональных корпораций, сохранении рынков сбыта, финансово-кредитной поддержке.

В 2015 г. мало кто уже вспомнит названия компаний «СИАБЕКО», «НОРДЭКС», АГ «Украина», но в начале 1990-х капитал правящих элит новообразованных государств был связан и переплетен. Как и сейчас.

И только стремление к полноценной легализации на глобальных рынках и необходимость играть «по правилам» (чистые кредитные истории, выход на фондовые рынки, легальность капитала и чистота инвестиций) вынудили национальные корпоратократии к новой конкуренции и размежеванию.

Для одних выбор – реставрация и «изоляция рынков». Пример – российская модель реставрационной стратегии мобилизации, под прикрытием раскрученного мифа о «русском мире».

Для других – разрыв зависимостей и обязательств, поиск новых партнеров, разрыв связей и конфликты с бывшими партнерами, в том числе – в масштабе межгосударственных конфликтов.

46. Консервативный характер государств-корпораций. В этом аспекте – пожалуй, лишь несколько тезисов, важных с точки зрения генезиса и характера включенности государства в глобальную систему.

Подавляющее большинство государств, созданных по итогам Второй мировой войны, распада колониальной системы и трансформации «социалистического лагеря» (1945–1991) вынуждены включаться в глобальную гонку технологий и конкуренции с ведущими ТНК и мировыми центрами роста.

«Технологический империализм» сделал бессмысленными и неконкурентными как автаркии (закрытые социально-экономические системы), так и территориальные экспансии с целью территориального, физического захвата территорий и ресурсов. Вернее, эти два способа саморазвития перестали быть эффективными.

Глобальное разделение труда вынуждало новых акторов «вписываться» своим потенциалом и возможностями, искать ниши и места на рынке. Феномен Китая – скорее исключение из правил.

Элиты корпоративных государств стремились к монополии на те национальные ресурсы развития, которые обеспечивали им место и доход на глобальном рынке, и одновременно – становились источником власти в собственной стране.

Не исключение – и пост-советские страны. Корпоратократия «оградила» от влияния рынка и конкурентов сырьевые отрасли, инфраструктуру, природные ресурсы, землю. Но, как и у всякой монополии, такой консервативный, хищнически-защитный инстинкт приводит к замедлению развития и умиранию тех сфер и отраслей, которые требуют консолидированного и опережающего инвестирования, конкуренции, привлечения новых технологий.

«Вторичная дикость» в экономике обрекает и все общество на «вторичную дикость» – старые уклады, затухание науки, зависимость от импорта технологий и высокотехнологических продуктов.

47. Последние экономисты-романтики пишут о модернизационном рывке и целевых инвестициях. Корпоратократия же готовится к приватизации земли и последних государственных монополий, а общество – к роли «всемирного хлебороба». Вернее, не роли, а участи.

48. Социально-классовая структура «суррогатного капитализма» стала более сложной.

1) На вершине пирамиды – собственник государства-корпорации, **корпоратократия**. Его составляющие – «политическая бюрократия» - плутократия, и олигархия, легальный собственник и менеджмент крупного капитала, медиа и инвестор политических проектов.

Плутократия обеспечивает надежное политическое, нормативное, административное прикрытие суррогатному капиталу. Представлена в законодательной, исполнительной, судебной власти, в военной организации страны и в силовых структурах. Ее реальное участие в суррогатной собственности непрозрачно и непублично. Зачастую плутократия имеет больше возможностей (и финансовых, и организационных) для обеспечения и поддержки бизнеса, чем сами организаторы и участники. **Олигархия** – лидеры крупнейших ФПГ – легализовавшая себя и оформившая свою собственность менеджмент прошлой системы, бывшие «комсомольцы» и директора, управляющие и цеховики, криминальные авторитеты с легализованной долей. Отдельных представителей олигархии часто используют в качестве «лейбла» и в пропагандистской машине. Так проще объяснять обществу, кто правит, и кто виноват в случае очередных кризисов и потрясений. Но **олигархия и плутократия – два неразрывных элемента, как «плюс» и «минус» в одной батарее.**

В собственности и управлении – стратегические активы национальной экономики, государственный аппарат, госучреждения и госимущество, инфраструктура, государственные финансы (бюджет, средства госкомпаний), государственные и крупные коммерческие банки, государственные и арендованные частные земельные ресурсы (земельные паи).

2) **Капиталистическая «прослойка»** – неконсолидированная полит-экономическая группа, выросшая благодаря рыночной среде «суррогатного капитализма». Прежде всего – за счет предпринимательской инициативы и эффективного использования частных активов (промышленность, торговля, транспорт, пост-индустриальные сферы производства и услуг, недвижимость). Чаще эту группу определяют как «средний бизнес». Пределы его роста и влияния связаны прежде всего с невозможностью и недоступностью стратегических активов и монополий в отраслях, которые находятся под контролем и в суррогатной собственности плутократии. Достигнув определенного уровня капитализации и возможностей на рынке, капиталисты вынуждены либо инкорпорироваться в плутократические группы (доли, «крыши») в обмен на новые возможности и поддержку, либо – рано или поздно – терять либо продавать бизнес. В собственности – промышленные активы (с доминантой новосозданных и модернизированных производств), банки, коммерческая и жилая недвижимость (строительство), земельные ресурсы (аренда земельных паев), интеллектуальные продукты (IT-бизнес), объекты торговли.

В каком-то смысле, украинские капиталисты – заказчики и потенциальные инвесторы глубоких либеральных преобразований («миллионеры против миллиардеров» - спонсоры гражданского протеста и радикальных реформ), но их двоичность, «мелкобуржуазность», как это определяли авторы социальных теорий конца 19 – начала 20-го вв., часто ограничивала их активность.

3) **Трудовые классовые группы**

– Малый бизнес, мелкое предпринимательство. Высокий уровень самоэксплуатации и пределы роста в экономической иерархии, что связано с недоступностью ресурсов развития (дорогие кредиты,

жесткий административно-бюрократический и фискальный контроль). Частные предприниматели, фермеры, домохозяйства.

В собственности и в распоряжении земельные ресурсы (личные и арендованные земельные паи), малое производство, объекты малого бизнеса (активы малого производства, транспорт, недвижимость).

– Пост-индустриальная трудовая группа (IT-отрасль, сфера услуг). Самая образованная и самая высокооплачиваемая группа наемного труда.

В собственности – доля в интеллектуальных продуктах (интеллектуальная собственность), техника и программное обеспечение.

Эту группу отличает высокая социальная мобильность, высокий креативный потенциал.

– Промышленная и агро-промышленная группы наемного труда.

В собственности – земельные паи, миноритарии акционированных предприятий.

– Государственные и муниципальные служащие – наемный труд, инкорпорированный в систему поддержки плутократии. Низкая оплата труда компенсируется социальным статусом, теневым финансированием, ограниченным набором привилегий.

Свобода ограничена интересами работодателя (частный капитал и власть), невысокая социальная мобильность.

4) Гуманитарная маргинальная (пограничная) группа – работники в области науки, культуры, образования, медиа-сферы, студенчество. Частично доходы обеспечиваются государством. Но главные источники – возможности рынка услуг, инвестиции и поддержка со стороны корпоратократии (особенно – медиа-сфера), международных спонсоров (гранты). Студенчество частично включено в трудовые классовые группы – как дополнительная рабочая сила в самых разных сферах производства и услуг.

Именно мерцающее, «промежуточное» состояние этих сфер деятельности создает их представителям «коридор возможностей» – развитие частного бизнеса, сервис государственной политики и доля в политических инвестициях корпоратократии. В качестве работодателя и спонсора выступают и капиталисты. Дифференцированные источники дохода, высокая степень свободы, высокая социальная мобильность, высокий креативный потенциал.

Силовая маргинальная (пограничная) группа – наемный труд («служба») в секторе безопасности государства. Сочетание наемного труда с социальным иждивением (удержание на госбюджете, «срочный состав»). Вместе с тем, высший эшелон силового блока инкорпорирован в корпоратократию, поскольку распоряжается огромными активами (имущество, земля), коррумпирован и имеет долю в «коррупционной ренте». Прокуратура, МВД и таможня, СБУ, Армия, по сути, функционируют как коррумпированная «система охраны» политического режима.

Низкая социальная мобильность, консерватизм и прямая зависимость от государственной власти как работодателя.

5) Классовые группы «социальных иждивенцев» (на содержании государства)

– неработающие пенсионеры – огромный социальный слой, чьи доходы и положение непосредственно зависят от содержания государства (пенсия).

– инвалиды, люди с особыми потребностями – в том же положении, что и группа пенсионеров.

Выделение в классовую группу «социальных иждивенцев» неслучайно. Практически каждый третий в украинском обществе – НЕПОСРЕДСТВЕННО зависит от социального дохода (пенсия, социальная помощь), который выплачивается государством. «На содержании». Это существенно влияет на поведение, настроения и взгляды данных классовых групп. Нужно также учитывать, что в большинстве своем «социальные иждивенцы» близки по происхождению и нынешнему положению (возможный дополнительный доход) с трудовыми классовыми группами, но более консервативны и с низкой социальной мобильностью.

49. В броуновском движении классов и групп все четче проявляется активная и прогрессивная роль молодого капиталистического класса, малого бизнеса, студенчества, представителей пост-индустриального сектора, гуманитариев, гражданского актива. Собственно, **эти общественные группы и составляют сейчас неконсолидированный «средний класс».**

Конкурентность, образование, опора на собственные силы, капиталы, интеллект и технологии вынуждают эти классовые группы «выходить на майданы» – отстаивать право на саморазвитие. «Миллионеры против миллиардеров» – с широкой повесткой, которую поддерживают и трудовые классы, и большая часть остальных общественных групп. Процесс подъема против «суррогатного капитализма», начавшись с протестных движений начала 2000-х, в которых была представлена широкая политическая и социальная палитра, дважды выплескивался на Майдан, и каждый раз – захлебывался в реакции консервативной «новой/старой власти».

50. В книге «Капли росы» я писал о **феномене украинского Майдана**: «...украинское майданное движение – последнее и **ЕДИНСТВЕННОЕ** на пост-советском пространстве гражданское движение, постоянно, иногда с временными разрывами в годы, восстанавливающего повестку «преодоления» (выдавливания) тоталитаризма.

(...)

Майданное движение в Украине 2013-2014 годов, самое трагичное и самое легендарное за все годы, стало «зеркалом» кризиса пост-советской государственности в его криминализированном и корпоратизированном, практически разрушенном варианте.

(...)

...не протесты привели к кризису государственности, а разрушение государственности и дискредитация госинститутов в глазах граждан стали одной из главных причин массового протеста.

(...)

Движущие силы будущего социального взрыва были очевидны уже к лету 2013 – гражданский актив и актив местного самоуправления, новое и активное медиа-сословие, весь мелкий и средний бизнес, студенчество, городской класс и менеджерский планктон, который потерял даже шанс на «лифты». Проблема состояла лишь в отсутствии общенациональной повестки для объединения. И именно поэтому Вильнюсский саммит ЕС по Восточному партнерству и неожиданно резкий разворот/отказ от договора с ЕС стал лишь поводом для протеста. А моральным мотивом для дальнейшей консолидации – избиение студентов, «елка»... Российские миллиарды подтверждали все подозрения в сговоре Киева и Кремля, в «продаже» идей реформ и евроинтеграции.

(...)

Маховик революции был запущен, и у него появился четкое «воплощение зла» – старый режим, правящая семейная корпорация. Счет пошел на дни. Попытка задавить протест силой и убийствами – обрекли старый режим на полный крах. Плен главнокомандующего и бегство в феврале 2014 – символ позора и поражения.

(...)

Майданное социальное пространство уникально и исторически, и социально, и психологически. Есть что-то интуитивно общее у него с традицией казацкой сечи. Условно, конечно.

Это общество без государства, но еще более сильное, чем с государственными институтами. Это движение, в котором программа формируется по мере решения текущих задач. И поэтому его невозможно возглавить (чего не поняли «три богатыря» и бывшая узница), а уж тем более распустить. Оно может сворачиваться, даже маргинализироваться, но его природа – за пределами баррикад и отдельно взятых «секторов». Стихия массы, энергия самых активных, повестка – из уст самого уверенного.

Украинское майданное движение – это преемник 1848, 1918, 1936, 1968 и 1989 года в Европе. Преемник, но не аналог. Калька не работает. Потому что это единственное пост-тоталитарное, пост-советское движение, которое еще слишком молодо. И потому податливо на политические спекуляции и «обманки»». (из книги «Капли росы»).

51. В историю Украины **события 2013-2014 годов вошли как «Революция достоинства»**. Смелое и ответственное определение со-бытия.

Полит-экономические и исторические предпосылки революционной ситуации были очевидны.

Незащищенные права собственности и господство «суррогатной собственности».

Декларативные конституционные свободы и фактическое бес-правие.

Социальная несправедливость, Украина – лидер в Европе по уровню эксплуатации рабочей силы и разрыву между бедностью и богатством. Фасадное самоуправление.

Национальная раз-общенность по феодализированным региональным квартирам и искусственно раздутыми различиями по социо-культурным, традиционалистским, историческим и языковым особенностям.

Коррупция сверху донизу.

Высокая криминогенность.

Нищета сельской провинции.

Наркомания, алкоголизм, эпидемический порог так называемых «социальных болезней».

Все это – более чем достаточная мотивация для массовых протестов.

Но вместе с тем, можно ли считать революцию 2013-2014 гг. завершенным действием?

Социальная революция имеет четыре базовые характеристики:

– массовый характер событий, вовлеченность в протесты и восстания подавляющего большинства общественных классов и групп;

– в революционных массовых событиях выражен и собственно социальный конфликт между РАЗНЫМИ общественными классами – правящим и его антагонистами. И какими бы сложными не были хитросплетения судеб отдельных участников и групп, именно решение этого конфликта оборачивается – либо победой революции, либо – поражением и реакцией;

– ключевой политический вопрос революции – радикальная, системная смена власти. И речь идет не о «составе правительства», а о самой основе, модели и механизме, порядке функционирования власти как инструмента управления революционным государством. Включая изменение формы правления, институциональные изменения, ну и, конечно, состав новой власти;

– социальная революция с неизбежностью приводит к историческим изменениям в системе экономических, политических и международных отношений. «Исторический поворот», который связан с отказом общества от одного варианта «коллективного будущего» к новому.

В событиях Майдана много черт социальной революции. Как и в событиях 2004 года. Тем не менее, и в первом, и во втором случае революционные события заканчивались лишь сменой состава существующей организации власти и декларацией «реформ», то есть – видоизменений УЖЕ СЛОЖИВШЕЙСЯ социально-экономической и политической организации общества.

Внутренний конфликт, аннексия территории (Крым - РФ), интернационализация конфликта и «гибридная война» на Донбассе (вмешательство РФ) – все это сблизило Украину и Европу, углубило и без того нараставший разрыв между Украиной и Россией. И, тем не менее – перспектива успешного европейского курса Украины, как и десять лет назад, прямо зависит от внутренних качественных изменений – нового межклассового баланса, формирования социально-ориентированной и конкурентной модели экономики, эффективной демократии, общенациональной консолидации.

В итоге – революция не завершена. Остановлена. Заморожена.

52. В истории Французской революции 1789–93 годов поворотной точкой истории стал «Термидорианский переворот». По сути – реакция. Его главная особенность состояла в том, что могильщиками революции и творцами будущей бонапартистской империи стал не поверженный противник и не внешний враг, а часть самой революционной власти. Реакционеры из числа бывших якобинцев, сначала став «бюрократией революции», затем заменили революционную повестку на новую диктатуру. Проложили «зеленую дорожку» для будущего императора Наполеона Бонапарта.

Оболганный и мифологизированный Робеспьер и по сегодняшний день несет на себе бремя несправедливого клейма диктатора. Имея огромную власть и популярность, он оставался верным своей революции до конца. П. Кропоткин в этом плане категоричен: «видеть в Робеспьере диктатора было бы совершенно неверно» («Великая французская революция 1789–1793»).

Но важно другое – термидорианство во французской революции, как и его условное повторение в «советском термидоре» (Л. Троцкий) связано с внутренними процессами в революционной элите. И стало результатом действий и перерождений самой революционной власти.

В истории украинской революции 2000-х «термидорианский переворот» произошел еще на этапе борьбы за управление революционными массами. Во главу Майдана – а потом и «новой/старой власти» пришли группы и силы, не имевшие прямого отношения к революции. Но они участвовали в конфликте с правящими корпоратократическими группами и использовали революционные события для своей ЛИЧНОЙ победы. ПОЭТОМУ – в итоге Майдана 2014-2015 – никакой революционной власти, и вместо нового курса – снова только «реформы» и реванш над конкурентами под лозунгом «борьбы с олигархами».

«Власть занята сама собой, точнее – сохранением нынешнего порядка вещей, воспроизводством олигархии», – Всеволод Кожемяко, бизнесмен (интернет-издание «Левый берег», сентябрь 2015).

И поэтому – «теневое правительство в Украине» и «ничего не происходит».

53. Ни одного революционного изменения, реализованного «новой/старой властью» в 2014-2015м. Движущие силы Майдана – мобилизованы на войну с сепаратизмом и внешним врагом. Даже задекларированные «реформы сверху» остались лишь декларацией. Самоуправление – без новых полномочий и возможностей. Гражданский актив Майдана, инкорпорированный в состав новой власти, потерял былую энергию, влияние и общественный авторитет.

Углубляющийся в борьбе за полномочия конфликт между элитами способен превратить децентрализацию в распад.

Тотальное обнищание трудовых классов и пенсионеров грозит грядущими бунтами.

Угроза массового банкротства малого и среднего бизнеса как никогда реальна.

Запредельная вороватость и рекордный уровень коррупции нынешнего состава правящей корпоратократии, включая коррупцию на военном бюджете и «теневом секторе» войны на Донбассе – состоявшийся и все более очевидный факт.

Консервирование такого режима приведет к тому, что от него отвернутся даже самые проверенные кредиторы и политические союзники.

54. Пустота патриотических призывов кабинетных воевод.

Тысячи волонтеров и добровольцев поют «Я не здамся без бою» (группа «Океан Эльзы»), вкладывая в эти слова куда больше, чем только личные любовные переживания. Они столкнулись с проблемой, о которой слышали разве что в рамках школьной программы, – «лишние люди». Куда теперь, в «теневую экономику»? Или в профессиональные революционеры? Все грани революции размылись.

Пост-революционный духовный вакуум. Практически ушел в прошлое пошлый гламурный «аквариум» светской жизни, где имитация высокой культуры больше напоминала дешевые балы имперской провинции 19 века, «гоголевский сюжет». С ряжеными. Со своими ноздревыми и чичиковыми, «столичной модой» и лоском дешевого таблоида.

Но ей на смену – «народная культура майданов», с социальным «левацтвующим» роком, слезливо-патриотичной литературой и новыми героями, которые недалеко ушли от советско-пролетарского «Максима».

Рожденные Майданом молодые рок-сонгеры, поэты, художники и «креативщики» в сжатые сроки повторяют путь великих – Винниченко, Есенина, Маяковского (...).

Новый маятник надежд и разочарований движется куда быстрее привычного. Ощущение грядущего «третьего Майдана», который может превратиться скорее в селянско-солдатский бунт, выглядит более реальным, чем мирная победа сознательных и просвещенных граждан.

«...критически свое материальное положение сейчас оценивают около 50–70 % украинцев. Но если тех, кто не может дальше терпеть ухудшение своего материального положения ради реформ, действительно около трети, то эта самооценка своих возможностей и своего терпения демонстрирует огромный протестный потенциал. Пока этот потенциал, очевидно, некому возглавить – нет лидеров и медийных ресурсов, — но общество находится в абсолютно революционном состоянии. В революционном не в политическом плане, а в плане выживания.

Перед частью общества стоит вопрос: или выживание, или смена власти. И с этим власти нужно что-то делать, поскольку это огромный вызов для нее», – Руслан Бортник, УИАМ (РИА Новости Украина, октябрь 2015 г.)

Революционные силы Майдана ослаблены войной и экономическим кризисом, подавлены властью, кадрово обескровлены и идеологически растеряны. И до последнего времени этих сил было критически мало, чтобы мотивировать на новую революционную волну социальные группы – союзники – основную массу наемного труда, получить поддержку нищающих пенсионеров.

55. После Майданов «европейского выбора» и «достоинства» последней каплей будет борьба за право на жизнь, на развитие, на свободу жить. Это не лозунг. Это необходимость, потому что выживание сегодняшнего дня – это доживание страны, которую можно потерять навсегда. А с ней – себя, свой мир, свой выбор, свою свободу.

Три вектора, три пути, три перспективы. Каждая измеряется актуальным временем в год-два.

«Революция среднего класса». С целью базовых преобразований: от суррогатной – к частной собственности, публичной демократии, местному самоуправлению, независимым судам, гражданским свободам. Возможно – через управляемые выборы в новый парламент, проведение Национального съезда громад (местное самоуправление) и Конституционное собрание, активизацию самоуправления. Реализацию качественных перемен в составе правящей элиты и проведение «нового курса» – эффективной политики опережающей модернизации экономики и страны в целом. В идеале, конечно.

Консервация положения, затягивание радикальных изменений – и маргинал-пролетарский бунт по аналогии с началом конфликтов на Донбассе (март-июнь 2014), новый виток гражданского противостояния, схватка региональных «бульдогов» за свои ресурсы и «свій край», крах государственности. Формирование региональных феодалов с местечковыми региональными элитами во главе. Угроза распада государства.

Либо – авторитарная реставрация. Временная реставрация через диктатуру «военно-олигархического режима», а путь к диктатуре – через непрекращающуюся войну и мобилизацию. Мобилизационный режим экономики, высокая зависимость от внешних кредиторов и внешнего управления. Основа – альянс правящих корпоратократических групп с силовой элитой (армия, спецслужбы и правоохранительные органы), жесткая административная вертикаль. Авторитарная реставрация в условиях конфликтов и нищеты может затянуться на 3–5 лет.

56. Как приходят диктатуры? Как правило, незаметно. Как победа карточного шулера – хоть за карточным столом, хоть за столом государственной власти. Франция, пережившая не одну революцию, – хороший назидательный пример. О событиях 1848-1851 во Франции – К. Маркс: *«Февральская революция была неожиданностью для старого общества, она застала его врасплох, и народ провозгласил этот внезапный удар всемирно-историческим событием, открывающим новую эру. 2 декабря февральская революция исчезает в руках ловкого шулера, и в результате уничтоженной оказывается уже не монархия, а те либеральные уступки, которые были отвоеваны у нее в вековой борьбе. Вместо того, чтобы само общество завоевало себе новое содержание, лишь государство как бы оказывается возвращенным к своей древнейшей форме, к бесстыдно-примитивному господству меча и рьсы»* («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»).

Украинская корпоратократия по-прежнему у власти. Ни подъем рабочего движения в 1990-е, ни гражданско-демократический подъем начала 2000-х, ни оба Майдана не смогли «перезагрузить» корпоративную государственность.

Бунты элит, агрессия РФ и кризис государственности поставили под угрозу существование Украины как государства и политической общности.

Но отложенная повестка социальной революции 2000–2014 не забыта. Она стала еще острее и актуальнее.

Устойчивый гражданский мир, преодоление угрозы новой войны в Украине и начало национального диалога с неизбежностью сформируют повестку «революции среднего класса». И главные ее пункты – преодоление корпоратократии. Новая государственность. Национальное единство. Свобода и самоуправление. Новая Украина.

Андрей Ермолаев

P.S. Как умирают империи, мы знаем из учебников и пережили на собственном опыте. Но угрозу смерти собственной страны воспринимаем скорее как страшилку из медиа и пропагандистский продукт врагов. «Манифест среднего класса» нужен сейчас, как в 19 веке молодому рабочему движению в Европе был нужен ... тут могло быть уже запрещенное в Украине понятие.
